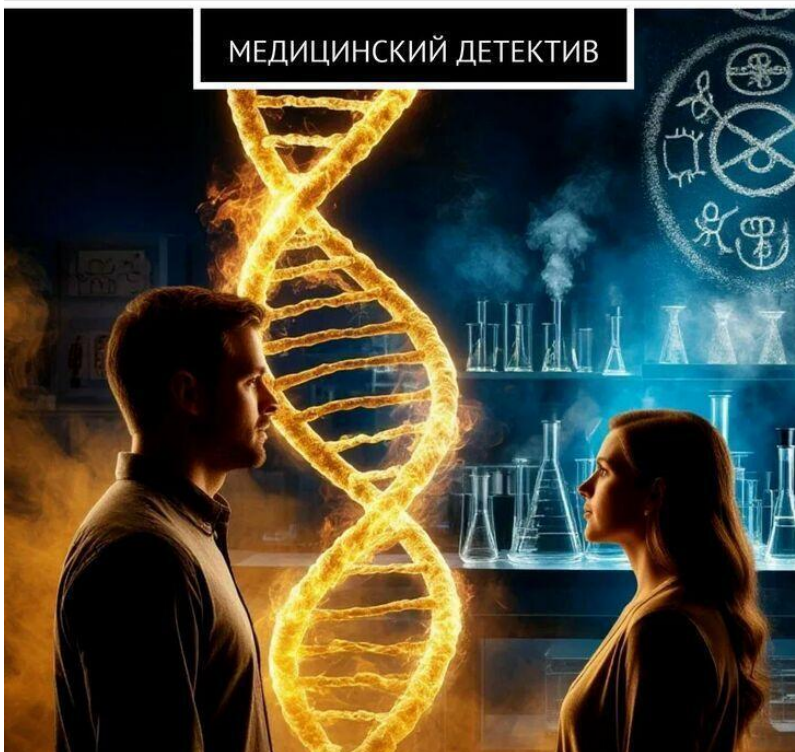

18+

ВЛАДИМИР БЕЛОУСОВ

Фантомный код

МЕДИЦИНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Владимир Белоусов

Фантомный код.

Медицинский детектив

<https://litres.ru/74149514>

ISBN 9785007002752

Аннотация

Что может быть сильнее желания спасти близкого, угасающего от неизлечимой болезни? Когда врачи разводят руками, а статистика четвёртой стадии рака не оставляет шансов, остаётся только одно: поверить в чудо.

Но что, если чудо — это не случайность, а спящий механизм внутри нас?

Герои этой книги бросают вызов безнадёжности. На кону — жизни неизлечимых пациентов и триллионные доходы большой фармы. Но есть сила, которая стоит выше денег.

Эта история о надежде, любви и силе, спящей в каждом из нас.

Содержание

Предисловие автора	5
Пролог	7
Глава 1. Кузнецов	19
Глава 2. Анна	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

ФАНТОМНЫЙ КОД

Медицинский детектив

Владимир Белоусов

*«В каждом человеке есть врач, и нужно только
помочь ему в его работе».*

Гиппократ

Иллюстрации Нейросеть Шедеврум

© Владимир Белоусов, 2026

ISBN 978-5-0070-0275-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Эта книга — художественное исследование, основанное на реальных случаях спонтанных ремиссий, этнографических материалах и научных гипотезах.

Все истории, имена и обстоятельства вымышлены, но главное — правда: организм человека обладает ресурсами, о которых мы ещё не всё знаем.

И, возможно, главный из них — наша способность любить. Любить жизнь, любить близких, любить будущее, которое мы создаём. Именно эта любовь становится спусковым крючком, зажигающим внутренний огонь и запускающим механизм самоисцеления.

Я не собирал истории героев этой книги по архивам и не встречался с их прототипами. Но когда мне самому было плохо — а такое случалось, хоть и редко, — я всегда чувствовал: главная помощь приходит не из аптечки. Она внутри. В том, как тело вдруг находит силы справиться с тем, с чем, казалось, не справиться. В том, как осознание, что ты нужен близким, становится самой надёжной опорой.

Эти ощущения мне знакомы и очень близки. Они и легли

в основу того, о чём написана эта книга. Я благодарю свою семью — жену и двух моих замечательных дочерей. Именно их любовь даёт мне ту самую опору, о которой я пишу: когда ты знаешь, что нужен, вариантов просто не остаётся. Только один — жить и быть рядом.

Помните: чудо исцеления — это нормальный, но просто очень редкий режим работы нашего тела. А любовь — это ключ, который запускает этот режим.

Предупреждение:

Начало книги из-за большого количества медицинских терминов может оказаться сложным к восприятию, но мне показалось важным использовать принятые в медицинской среде понятия, наиболее точно описывающие суть открытия доктора Ветрова. Потерпите, в следующих главах будет проще.

В конце книги я на всякий случай поместил Словарик с медицинскими терминами, встречающимися в этой книге.

Владимир Белоусов.

Пролог

Из дневника Анны Соболевой

23 сентября 2025г, Москва, лаборатория Ветрова

Разговор с Артёмом Ветровым напоминал перепалку на научно-популярном ток-шоу, где у ведущей нет профильного образования. Он говорил о белках и сигнальных путях, я — о шаманских ритуалах и древних сутрах. К концу часа мы обнаружили, что говорим об одном и том же, просто на разных языках.

Его версию я записала почти под диктовку, пока он расхаживал по лаборатории, размахивая распечатками.

— В нашей ДНК есть спящий участок, доставшийся от далёких предков, — начал он. — Я называю его ФАНТОМ-НЫМ КОДОМ. В обычной жизни он заблокирован метильными метками, потому что его активация требует колоссальных ресурсов и опасна для организма. Как разгон процессора до предела — можно сжечь.

Это как фантомная конечность: человек чувствует руку, которой уже нет, а здесь организм «помнит» своё здоро-

вое состояние, но не может к нему вернуться. Эти участки ДНК — та самая память о целостности, они есть, но работают, только когда стираются все запреты.

В момент, когда человек слышит приговор — «рак четвёртой стадии», «вам осталось два-три месяца», — его мозг перестаёт воспринимать будущее. Наступает состояние пограничного бытия: здесь и сейчас, завтра нет.

— В кровь выбрасываются гормоны стресса и отчаяния, а также тау-белок и бета-амилоиды. В обычной концентрации они считаются маркёрами нейродегенеративных заболеваний, но в запредельной начинают работать как «строительные леса» для новой нейронной реальности.

— Если в этот момент человек испытывает не просто страх, а запредельное желание жить — чистую волю, не замутилённую отчаянием, — гипоталамус даёт команду гипофизу. И тот выделяет неизвестный науке особый белок. Я называю его «Пептид Терминальной Надежды».

НАДЕЖДЫ НА ТО, ЧТО МОЖНО НЕ УМИРАТЬ.

Он находит стволовые клетки костного мозга и заставляет их делиться с высокой скоростью. Одновременно он маркирует больные клетки. Иммунная система получает

сигнал тревоги высшего уровня и бросает все силы на тотальное уничтожение всего маркированного. А здоровые клетки получают временную защиту.

— Энергия для этого процесса берётся из расщепления собственных митохондрий в здоровых и больных клетках — временный апоптоз, но с условием мгновенной регенерации здоровых клеток. Организм сжигает не только жир, но и, условно говоря, «страх» и «время». Это и есть то самое, о чём писал Кузнецов: «Печку внутри включили».

Я спросила, откуда он взял эту гипотезу. Он усмехнулся:

— Из ваших же шаманских историй. Только перевёл на язык биохимии.

Странно, — подумала я, записывая. Он говорит как зануда-учёный, но глаза у него горят. Как у того же Кузнецова, наверное. Или как у шамана, который получил от духов огненное тело.

25 сентября 2025г, дома, горы книг

Всю ночь просидела с этнографическими записками, которые дала Лена, дочь Кузнецова. Сравнивала с гипотезой Ветрова. Удивительно, но разные народы, разделённые тысячами километров, описывают один и тот же механизм.

Славянская традиция. Волхвы верили в три мира: Явь, Навь и Правь. Болезнь считалась проникновением Нави —

тёмного, чужеродного мира — в тело. Обряд исцеления включал «перерождение»: больного символически хоронили, а затем вытаскивали из гроба или проводили через распахнутые створки печи — «перепекание».

Резкий переход границы «жизнь-смерть» вызывал шок. Если человек проходил этот страх, его Жива — жизненная сила — вспыхивала. В переводе на язык Ветрова: организм получал команду «Ты только что умер, но ты жив! Немедленно всё чини!» — и запускался тот самый пептид.

Но важно другое: перепекали чаще всего жена, мать или бабушка. Не чужая бабушка, а та, которая любила. Та, чья любовь была сильнее страха смерти. Без этой любви, без чьей-то воли, направленной на тебя, обряд считался бесполезным.

Индийские йоги. Они оперируют понятиями праны (жизненной энергии) и Кундалини (спящей силы в основании позвоночника). Обычный человек использует лишь малую часть праны. Когда йог добровольно стоит на пороге смерти — например, в гималайской пещере без еды и тепла, — его тело включает режим аварийного выживания.

Кундалини поднимается не постепенно, а взрывом, прожигая каналы (нади). Этот «прожиг» — аналог действия

пептида. Энергия Кундалини сжигает «мёртвые» кармические отпечатки и больные клетки в буквальном смысле. В йоге это называется «кайя калпа» — «новое тело».

В текстах говорится, что йог идёт в пещеру с мыслью о своём учителе, о Боге или о мире, которому он хочет послужить. Это не эгоистичный акт. Это акт любви, которая сильнее страха собственной смерти.

Североамериканские индейцы. У них есть обряд «хождение на видение». Человек уходил в тайгу, в тундру без воды и еды на несколько дней, фактически обрекая себя на смерть.

В бреду от голода и жажды организм достигал состояния последней черты. Индейцы верили, что именно в этот момент к человеку приходит его истинный Тотем — Животное Силы, — который либо забирает его, либо даёт новую жизнь.

С точки зрения Ветрова, мозг в состоянии галлюцинаций генерирует архетипический образ, запускающий процесс регенерации. Пептид активизируется не просто стрессом, а встречей с сакральным ужасом смерти и принятием его.

Но тотем приходит не к пустому месту. Он приходит к тому, кто ищет не просто жизнь для себя, а силу для своего

племени, для своей семьи. Связь с родом, с теми, кого любишь — вот что делает это испытание осмысленным.

Сегодня я позвонила Ветрову и пересказала всё это. Он выслушал молча, потом сказал:

— Вы хотите сказать, что шаманы знали о Фантомном коде тысячи лет назад?

— Я хочу сказать, что они знали, как его разбудить, — ответила я. — А вы пытаетесь понять, что он делает на молекулярном уровне. Но, кажется, вы упускаете один важный ингредиент. Любовь.

— Любовь? — переспросил он скептически. — Анна, я биохимик. Любовь — это окситоцин, дофамин и серотонин. Смесь нейромедиаторов, которая эволюционно закреплена для продолжения рода.

— Возможно, — не сдавалась я. — Но именно эта смесь, судя по всему, и заставляет пептид работать. Без неё это просто стресс.

Он помолчал, потом пригласил меня в лабораторию — показать новые данные.

— Приходите, — сказал он. — Поспорим о вашей «любви» под микроскопом.

В его голосе мне почудилась усмешка, но не злая, а скорее... заинтересованная. Он назвал меня по имени впервые. Интересно, заметил ли он это сам?

29 сентября 2025г, снова лаборатория

Ветров встретил меня возбуждённым — необычное для него состояние. Он нашёл подтверждение своей гипотезе в двух областях современной науки.

— Первое — эпигенетика, — сказал он, разложив передо мной графики. — Учёные знают, что убеждение может менять экспрессию генов. Если человек находится в состоянии абсолютной уверенности («я выживу»), его РНК начинают считывать информацию с тех участков ДНК, которые обычно молчат.

Наш белок — продукт работы «молчащих» генов. Они включаются только тогда, когда организм понимает, что стандартные методы лечения не работают, обычный иммунитет не справляется, и надо использовать эволюционный арсенал — перепрошивку из архивной копии вида.

— Второе — физика квантового поля, — он перешёл к другому графику. — Есть теория, что клетки общаются не только через химические сигналы, но и через свет — так называемые биофотоны.

В момент сильнейшего стресса мозг генерирует мощное когерентное излучение, подобное лазерному. Этот поток сканирует тело, находит повреждённые клетки и даёт команду на их уничтожение. Наш белок в этой модели выступает как «проявитель», делающий возможной эту световую маркировку.

Я слушала его, но думала о другом. О том, как он вчера поздно вечером прислал мне ссылку на статью о психонейроиммунологии, с пометкой: «К Вашему вопросу о роли привязанности». О том, как мы проговорили по телефону до двух ночи, споря о роли окситоцина в регенерации тканей. И о том, как в какой-то момент я поймала себя на мысли, что мне не хочется прощаться.

— Анна? — его голос вернул меня в лабораторию. — Вы слушаете?

— Да, — я вынырнула из своих мыслей. — Когерентное излучение. Свет.

— Мы светимся изнутри. Обычно этот свет слабый, но в критической ситуации он может стать направленным и мощным. И наш пептид помогает ему сфокусироваться именно на том, что нужно уничтожить.

— А что, если фокусирует его не пептид? — спросила я, сама не ожидая от себя этого вопроса. — Что, если фокусирует... любовь? Как прицел. Как та самая связь, которая заставляет светить не хаотично, а точно в цель.

Ветров посмотрел на меня долгим взглядом.

— Вы настойчивы в своей идее.

— Я просто вижу закономерность, — ответила я, не отводя глаз. — Шаман Айына шёл в тундру не себя спасать, а людей. Кузнецов злился, потому что не мог представить, как его дочь останется без отца. Сотников боролся за внуков. Любовь — это и есть тот самый «свет». Без неё «печка» просто сожжёт, а не переплавит.

Он отвернулся к окну, и в свете уличных фонарей я увидела, как напряглись его плечи. Он не соглашался со мной вслух, но он слушал.

1 октября 2025г, ночь, мысли не дают уснуть

Мы с Ветровым договорились о совместной работе. Он будет заниматься биохимией и генетикой, я — этнографией и историей. Вместе, надеюсь, мы сможем собрать пазл, который древние называли «огненным телом», а мы решили назвать «фантомным кодом».

Сегодня я сформулировала для себя нашу общую теорию. Записываю, чтобы не забыть.

Человек, стоящий на пороге смерти, своим отказом умирать создаёт в организме условия, которые можно сравнить с термоядерным синтезом. Вырабатывается белок — «Пептид Терминальной Надежды», — который действует как умная система перезагрузки:

1. Идентифицирует врага. Находит раковые клетки, инфекционные агенты, любые системные сбои.

2. Защищает здоровое. Дает временный щит нормальным клеткам, чтобы они не пострадали во время «зачистки».

3. Добывает энергию. Использует ресурс от расщепления старых или повреждённых структур — организм буквально сжигает «отработанный материал», чтобы высвободить

энергию для обновления.

4. Перезагружает систему. Возвращает организм к «заводским настройкам» — состоянию, в котором нет болезней, нет старых программ, есть только чистая жизнеспособность на момент рождения.

Но сегодня я поняла, что этого недостаточно. Нужен ещё один пункт. Необходимое условие. Я назвала его про себя «Пусковой механизм». Я пока не знаю, как точно его сформулировать. Я чувствую только, что он связан с тем, что заставляет сердце биться не только ради себя.

Ветров сегодня произнёс фразу, которую я запишу здесь дословно:

— Чудо исцеления — это не вмешательство высших сил.
**ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ — ЭТО НОРМАЛЬНЫЙ, НО ПРОСТО
ОЧЕНЬ РЕДКИЙ РЕЖИМ РАБОТЫ НАШЕГО ТЕЛА.** Мы просто не умеем им пользоваться. А древние умели. И Кузнецов сумел. И Шевчук, и Сотников. Наша задача — понять, как это работает, и научить других.

Я, конечно, человек скептический, но от этих слов по спине пробежал холодок. Если он прав, если мы сможем расшифровать этот «фантомный код» и сделать его доступ-

ным, фармацевтический рынок рухнет. Триллионные доходы от химиотерапии — против открытого доступного знания, которое не запатентовать, не спрятать, не положить на полку. Это понимание пришло ко мне внезапно. Вместе с пониманием в душу мою заползла тревога.

Надо быть осторожнее.

Но есть и другая тревога. Та, о которой я не пишу в дневнике. Она касается того, как его глаза загораются, когда он смотрит на меня, споря о любви. И того, как я ищу повод позвонить ему снова. Это опасно. Это отвлекает от дела. Но это... это как тот самый огонь. Он пока только тлеет, но я уже чувствую его тепло.

Глава 1. Кузнецов

Запах формалина въелся в кожу намертво. Артём Ветров давно перестал его замечать, как человек, живущий рядом с железной дорогой, перестаёт слышать поезда. Плиточный пол, тусклый свет люминесцентных ламп, нержавеющая сталь секционного стола — всё это было частью его вселенной последние пятнадцать лет.

Пять лет назад, в конце сентября умерла Маша. Его жена. Тоже онколог. Предлагала лечиться по новым протоколам, ездить в Германию, пить золу, верить в Бога — он тогда отрезал: «Хватит истерики. Есть статистика, есть цифры. Пятилетняя выживаемость при твоём диагнозе — восемь процентов. Давай смотреть правде в глаза».

Она посмотрела. Легла и умерла ровно через четыре месяца. С тех пор он потерял веру в бесполезные протоколы. Но чувство вины и беспомощности не покидало его все эти пять лет.

— Тридцать седьмой, Кузнецов Пётр Петрович, — Семён Ильич, сухонький старичок в застиранном халате, протянул историю болезни. — Травма, наезд транспортного средства. Смерть на месте.

Ветров кивнул, бегло просматривая бумаги. Мужчина, пятьдесят лет. Доставлен из морга скорой помощи для планового вскрытия. Причина смерти ясна, процедура формальность. Можно было бы вздохнуть с облегчением — сегодня пятница, и если поторопиться, к обеду он будет свободен.

— Давай, — бросил он Семёну и взял в руки скальпель. Первый разрез — от подбородка до лобка. Твёрдая рука, многолетняя привычка. Кожа, подкожная клетчатка, мышцы. Ветров работал механически, диктуя наблюдения на диктофон, висящий на груди.

Уже на первом этапе он понял: травма серьёзная. Множественные переломы рёбер с обеих сторон, гемоторакс — грудная клетка заполнена кровью. Сердце было разорвано в области восходящей аорты — массивное внутреннее кровотечение, несовместимое с жизнью. Смерть наступила мгновенно или в течение нескольких секунд.

— Перелом рёбер 2—9 справа, 3—7 слева, разрыв аорты, гемоперикард, — бормотал Ветров в диктофон. — Закрытая черепно-мозговая травма? Посмотрим.

Он перешёл к голове. Сделал разрез мягких тканей, от-

слоил кожу, обнажив череп. Электрическая пила зажужжала, в воздух поднялась костная пыль. Черепная крышка отошла, открывая взору мозг.

Ветров замер.

— Семён Ильич, — позвал он, не оборачиваясь. — Подойди-ка.

Старик лаборант, возившийся с марлевыми тампонами, шаркающей походкой приблизился.

— Чего там? — глянул через плечо и тоже замер.

Мозг был чист. Абсолютно. Никаких новообразований, никаких следов распада тканей. Только ровная, влажно блестящая поверхность здорового органа.

— Ты историю смотрел? — голос Ветрова звучал напряжённо.

— А что с историей? — Семён Ильич пожал плечами. — Обычная. Травма, наезд...

— Я не про то. Основной диагноз. При жизни.

Семён Ильич взял историю, пролистал несколько страниц

назад, туда, где были выписки из онкологического диспансера. Прочитал и присвистнул.

— Глиобластома, четвёртая стадия. Неоперабельная. Отказ от химиотерапии. Выписан под наблюдение участкового врача... Это сколько ж ему давали? — он поводил пальцем по строке. — Три-шесть месяцев. Максимум — год.

Ветров повернулся к столу, на котором лежало тело Кузнецова. Мужчина как мужчина, лет пятидесяти, крепкий, с крупными руками рабочего человека. Разбитое тело, но не раком.

— Он прожил после диагноза год, — тихо сказал Ветров. — Год. С четвёртой стадией глиобластомы. Без лечения.

— Бывает, — неуверенно протянул Семён Ильич. — Ошибка диагностики.

— Нет, — Ветров покачал головой. — Смотри.

Он отложил скальпель и взял мозг в руки, аккуратно, почти нежно. Его пальцы, знающие каждую извилину, нащупали в левом полушарии что-то твёрдое. Он достал препаровальную иглу и начал осторожно отделять ткань.

Через минуту на металлическом лотке лежал маленький кусочек окаменевшей ткани. Петрификат. Известковый шарик размером с горошину.

— Опухоль была здесь, — Ветров указал на углубление в мозге, откуда извлёк петрификат. — Видишь? Ложе. Она занимала приличный объём, сантиметра три-четыре в диаметре. А потом... — он взял пинцетом окаменелость, поднёс к свету. — А потом она мумифицировалась. Высохла и отвалилась.

Семён Ильич перекрестился. Он был старым лаборантом, повидавшим всякое, но такое видел впервые.

— Это как? — спросил он шёпотом.

— Не знаю, — честно ответил Ветров. — Но я хочу узнать.

Он снял перчатки, подошёл к раковине, тщательно вымыл руки. Потом вернулся к столу и взял историю болезни Кузнецова. Пролистал до последних записей. Участковый терапевт аккуратно выводила: «Жалоб нет, чувствует себя удовлетворительно, от госпитализации отказывается». И дата — две недели назад.

— Как он жил этот год? — спросил Ветров, ни к кому не обращаясь.

— Может, съездить к семье? — предложил Семён Ильич.
— Тут адрес есть. Жена вроде, дочь.

Ветров задумался. Формально его работа заканчивалась на вскрытии. Он должен был написать заключение: смерть в результате травмы, несовместимой с жизнью (разрыв аорты, множественные переломы рёбер, гемоторакс). Сопутствующие заболевания — петрифицированная глиобластома в стадии ремиссии. И забыть.

Но что-то мешало забыть. Картинка чистого, здорового мозга стояла перед глазами. Он видел сотни раковых больных на вскрытии. Видел, как опухоли пожирают человека изнутри, как метастазы прорастают в кости и печень, как тело сдаётся болезни. А здесь тело победило. Само.

А еще он вспомнил как умирала Маша, и как невыносимо горько было осознавать, что ты ничем не можешь ей помочь.

— Запиши адрес, — сказал он Семёну Ильичу. — И возьми пробы тканей. Мозг, петрификат, кровь. Всё, что можно. Сделаем гистологию.

— Артём Викторович, так это ж не по протоколу, — засомневался старик. — Начальство узнает...

— Начальство узнает только то, что мы ему скажем. — Ветров посмотрел на лаборанта. — Семён Ильич, ты хочешь понять, что здесь произошло?

Старик помолчал, потом вздохнул и кивнул.

— Хочу.

— Тогда делаем.

Через два дня Ветров стоял у подъезда панельной девятиэтажки на окраине города. В руках он держал конверт — на всякий случай он подготовил официальный запрос от института, хотя понимал, что вряд ли он понадобится. Он не знал, как говорить с родственниками погибшего. «Здравствуйте, я резал вашего мужа и нашёл кое-что интересное» — не лучший вариант.

Дверь открыла женщина лет сорока пяти, заплаканная, в чёрном платке.

— Здравствуйте, — Ветров показал удостоверение. — Я из НИИ онкологии. Мне нужно поговорить с семьёй Кузнецова Петра Петровича.

— Я жена, — женщина вытерла глаза краем платка. — Проходите.

В маленькой, тесной прихожей пахло корвалолом и горечью утраты. Из комнаты выглянула девушка лет двадцати пяти.

— Дочка, Лена, — представила женщина. — Садитесь, чай будете?

Ветров отказался, присел на край табуретки.

— Я понимаю, время неподходящее, — начал он осторожно. — Но мне нужно понять. Ваш муж... отец... у него был диагностирован рак мозга. Год назад. Скажите, как он прожил этот год?

Женщина и дочь переглянулись.

— А что тут рассказывать? — пожала плечами жена. — Сказали ему врачи — всё, готовься. А Петя не поверил. Рассердился. Пришёл домой, сел за стол, стукнул кулаком — и говорит: «Не дождутся. Я их всех переживу».

— И что дальше?

— А дальше поехал на дачу. Картошку сажать. Мы думали — с ума сошёл от горя. А он вернулся через месяц, пошёл в поликлинику, сдал анализы. Врачи смотреть на него прибегали — не верили. Опухоль уменьшилась, говорят. А потом и вовсе пропала. Год работал, на даче всё лето, забор новый поставил. Он же сварщик классный. И вот... — она всхлипнула. — Машина проклятая.

Лена, дочь, всё это время молчала, теребя в руках край кофты. Потом вдруг встала и вышла в соседнюю комнату. Вернулась с потрёпанной тетрадкой в клеточку.

— Папа дневник вёл, — сказала она тихо. — Сначала, когда болел. А потом привычка осталась. Тут последняя запись, за два дня до...

— Можно? — спросил он.

Лена кивнула.

Ветров открыл дневник на последней странице. Почерк у Кузнецова был корявый, мужской, но разборчивый.

«Сегодня ездил в диспансер на годовую проверку. Врач крутил снимки и не верил. Говорит, что такое только в кино бывает. А я ему говорю: вы, доктор, лечите таблетками, а я лечился злостью. Представил эту хворобу как червя склизкого, и сказал ей: ты не сожрёшь меня, я сам тебя уничтожу. Лёг спать с этой мыслью. Утром проснулся в луже пота. Было такое чувство, будто печку внутри включили. Температуру не мерил, но чувствую высокая была.

А еще мне сон такой странный привидился. Не как обычно, мутный, а яркий — краски такие, что глазам больно. И все как наяву. Будто в голове у меня битва страшная: суэта, беготня, взрывы, стрельба — не разобрать, что происходит. Но я понимал это не просто война — это моя жизнь. За «наших» хорошие клетки воевали, а против них вражеские, которые убить меня хотели. Трудная битва была, но к утру «наши» вроде одолели гадов. И с тех пор пошёл на поправку.

Может, злость — она тоже лекарство? Дочь смеётся, говорит, я как шаман из её книжек. А может, шаманы что-то знали?»

Ветров перечитал запись дважды. Печку внутри включили. Склизкий червь. Злость. Битва во сне.

— Лена, — поднял он глаза на девушку. — Здесь про

книжки написано. Какие книжки?

Лена смутилась.

— Я на историческом учусь, заочница. Увлекаюсь этнографией. Папе рассказывала про разные народы, про то, как они болезни лечили. Папа заинтересовался, всё расспрашивал. А я ему книжку дала — этнографические записки о народах Севера.

— Можно посмотреть?

Лена принесла потрёпанный том. Ветров пролистал несколько страниц. Глаза выхватили абзац: «Шаман, чувствуя приближение смерти от старости или болезни, уходил в тундру. Он ложился на снег и ждал. Если через три дня он не замерзал, а вокруг него таял снег — значит, духи дали ему новую силу, и он возвращался в стойбище, чтобы жить дальше».

— Спасибо, — сказал Ветров, закрывая книгу. — Можно я возьму дневник? На время. Скопирую и верну.

Лена кивнула.

Уже в дверях Ветров обернулся:

— Я обязательно верну. И спасибо вам. Вы даже не представляете, насколько это важно.

Он вышел на лестничную клетку и только там выдохнул. В руках у него был дневник человека, который победил рак. Не зная как, не понимая механизма. Просто перестав сдаваться.

В кармане зазвонил телефон. Семён Ильич:

— Артём Викторович, я тут посмотрел гистологию. Под микроскопом. Вы не поверите. Этот петрификат... он не просто известковый. Там внутри структура белка. Неизвестного. Я такого никогда не видел.

Ветров прикрыл глаза.

— Семён Ильич, готовы реактивы. Мы начинаем большое исследование.

Глава 2. Анна

Анна Соболева не верила в чудеса. Она верила в факты, в проверенные источники и в то, что если копать достаточно глубоко, обязательно найдёшь объяснение. Именно поэтому, увидев в местной газете некролог с фразой «после тяжёлой болезни погиб под колесами», она насторожилась. А позвонив в диспансер и узнав, что «тяжёлая болезнь» была глиобластомой четвёртой стадии, с которой мужчина прожил целый год после отмены лечения, она поняла: это её тема.

— Лена? — спросила она в трубку, набрав номер, который дали в диспансере (сердобольная медсестра сжалась над «журналисткой из центрального издания»). — Меня зовут Анна Соболева. Я пишу статью о вашем отце. Можно встретиться?

Через час она уже сидела на той же самой кухне, где позавчера сидел Ветров. Лена разливала чай, а на столе лежала та же вышитая скатерть.

— Понимаете, — говорила Анна, — такие случаи — редкость. Ваш отец — пример того, что медицина не всесильна, но и не бессильна. Мне важно рассказать эту историю честно.

— Вы уже вторая, — вдруг сказала Лена.

— Что?

— Вторая, кто приходит про папу. Вчера был доктор из НИИ онкологии. Ветров Артём Викторович.

Анна почувствовала укол профессиональной ревности. Учёные! Вечно они лезут, всё анализируют, раскладывают по полочкам, а потом пишут сухие отчёты, которые никто не читает.

— И что он хотел? — спросила она как можно равнодушно.

— Дневник папин взял. Книгу про шаманов смотрел. Говорит, исследовать будет.

— Дневник? — Анна оживилась. — У вашего отца был дневник?

Лена кивнула и вкратце пересказала содержание последних записей. Анна слушала, и внутри неё закипало знакомое чувство азарта. Злость. Жар. Шаманы. Это пахло сенсацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.